

Знакомство с Ахматовой

Именно Рейн познакомил Бродского с Ахматовой¹⁴¹. Это произошло 7 августа 1961 года. Бродскому был двадцать один год, Евгению Рейну, который привез младшего товарища в ахматовскую «будку» в Комарове, – двадцать пять. Ахматовой такие посещения были

138 *Wittgenstein L. Notebooks:1914–1916. Chicago: The University of Chicago Press, 1979. P. 75.*

139 *Рейн Е. Б. Человек в пейзаже // Арион. 1996. № 3. С. 34.* Рейн брал у Бродского интервью для несостоявшегося документального фильма. Книга, о которой говорит Бродский, это: *Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1957.* Тема «Бродский и Баратынский» освещена в статье Ефима Курганова «Бродский и искусство элегии» в кн.: *Иосиф Бродский: творчество, личность, судьба. С. 166-185.*

140 *An Age Ago. P. 159.*

141 *Рейн 1997. С. 73.*

привычны. Даже в последние сталинские годы, когда общение с ней грозило серьезными неприятностями, ее разыскивали бесстрашные почитатели, а в хрущевские времена неожиданное появление у дверей молодого мужчины или женщины с букетом цветов и тетрадкой стихов стало делом довольно обычным. Бродский, однако, попал к ней более или менее случайно. Он тогда мало знал стихи Ахматовой, а к тому, что знал, был равнодушен. Он в это время жил под впечатлением первого знакомства с поэзией Цветаевой. В тот августовский день он просто согласился прокатиться с другом за город. Визит оказался интереснее, чем он ожидал, он съездил в Комарово еще раз или два и, как он говорит, «в один прекрасный день, возвращаясь от Ахматовой в набитой битком электричке, я вдруг понял – знаете, вдруг как бы спадает завеса—с кем или, вернее, с чем я имею дело»¹⁴².

Мы имеем не так уж много документированных высказываний Ахматовой об отдельных стихах Бродского¹⁴³. Мы знаем, что она выделила написанное ей на день рождения в 1962 году. «Закричат и захлопочут петухи...» как вещь более глубокую, чем ожидается от поздравительного жанра, и взяла оттуда эпитафию – «Вы напишете о нас наискосок...»– для стихотворения «Последняя роза». Знаем, что с большим вниманием она отнеслась к поэме «Исаак и Авраам» и из нее строки о звуке А: «По существу же это страшный крик / младенческий, прискорбный и смертельный...»¹⁴⁴ – взяла эпитафией к четверостишию «Имя» (в первоначальном варианте). Фраза Ахматовой «Вы сами не понимаете, что вы написали!» (приводится Бродским и мемуаристами в слегка отличающихся друг от друга вариантах) после чтения «Большой элегии Джону Донну» вошла в персональный миф Бродского как момент инициации¹⁴⁵.

При всем том у Бродского в это время уже формировался индивидуальный стиль не только не похожий, но во многом полярно противоположный основному вектору ахматовского творчества – суггестивности, поэтике недосказанного, намеренной скромности поэтического языка. Бродский это вполне сознавал и позднее объяснял: «Мы не за похвалой к ней шли, не за литературным признанием или там за одобрением наших опусов. <...> Мы шли к ней, потому что она наши души приводила в движение, потому что в ее присутствии ты как бы отказывался от себя, от того душевного, духовного – да не знаю уж как это там называется – уровня, на котором находился, – от „языка“, которым ты говорил с действительностью, в пользу „языка“, которым пользовалась она. Конечно же мы толковали о литературе, конечно же мы сплетничали, конечно же мы бегали за водкой, слушали Моцарта и смеялись над правительством. Но, оглядываясь назад, я слышу и вижу не это; в моем сознании всплывает одна строчка из того самого „Шиповника“: „Ты не знаешь, что тебе простили...“ Она, эта строчка, не столько вырывается „из“, сколько отрывается „от“ контекста, потому что это сказано именно голосом души – ибо прощающий всегда больше самой обиды и того, кто обиду причиняет. Ибо строка эта, адресованная человеку, на самом деле адресована всему миру, она – ответ души на существование. Примерно этому – а не навыкам стихосложения – мы у нее и учились»¹⁴⁶.

Ахматова тепло относилась к окружавшей ее поэтической молодежи – это были Наталья Горбаневская, Дмитрий Бобышев, Михаил Мейлах и ее секретарь Анатолий Найман, – но к Иосифу Бродскому ее отношение было совершенно особенным и как к человеку, и как к поэту. Несомненно, что она первая поняла потенциальный, тогда еще далеко не реализованный размах поэтического таланта Бродского и масштаб его личности.

142 Волков 1998. С. 224.

143 См. Лосев 2002.

144 Ахматова 1996. С. 234, 390.

145 См., например, *Интервью 2000*. С. 174.

146 Волков 1998. С. 256.

«Бродский ведь ее открытие, ее гордость», – записывала Чуковская в дневнике¹⁴⁷. Ахматова обращалась к Бродскому как к равному: «Иосиф, мы с вами знаем все рифмы русского языка...»¹⁴⁸ Ей и Н. Я. Мандельштам молодой поэт, «младший Ося»¹⁴⁹, внешне, манерой поведения напоминал своего великого тезку. Очевидно, что для Ахматовой сходство было не только внешним. В дневниковой записи 1963 года читаем: «Что-то в отношении ко мне другого Иосифа напоминает мне Мандельштама»¹⁵⁰. Это и определило неожиданное при полувековой разнице в возрасте отношение Ахматовой к Бродскому как к равному, чьи высказывания производят на нее порой глубокое впечатление. Так, в дневнике и письмах она неоднократно возвращается к мысли Бродского о том, что главное в поэзии – это величие замысла. «И снова всплыли спасительные слова: „Главное – это величие замысла“»; «Постоянно думаю [о величии замысла] о нашей последней встрече и благодарю Вас»; «И в силе остаются Ваши прошлогодние слова: „Главное – это величие замысла“»¹⁵¹. Однажды Ахматова записывает: «Взять эпитафию к „Листкам из дневника“ из письма И. Б[родского]: <...Из чего же он (Человек) состоит: из Времени, Пространства, Духа? Писатель, надо думать, и должен, стремясь воссоздать Человека, писать Время, Пространство, Дух...>»¹⁵² Или в состоянии глубокого сомнения: «А где спасительное „величие замысла“, спасшее Иосифа?»¹⁵³ Надо отметить, что у мысли Бродского о «величии замысла» литературное происхождение – знаменитое место в сто четвертой главе «Моби Дика» о «возвеличивающей силе богатой и обширной темы». «Мы сами разрастаемся до ее размеров, – пишет Мелвилл. – Для того, чтобы создать великую книгу, надо выбрать великую тему»¹⁵⁴.

На годы близости с Ахматовой пришлось самые трудные испытания в жизни Бродского – любовная драма, попытка самоубийства, сумасшедший дом и тюрьма, кошмарный суд, предательство друга. Все происходившее с ним трогало Ахматову самым интимным образом. 11 сентября 1965 года она записывает в своем дневнике: «Освобожден Иосиф по решению Верховного Суда. Это большая и светлая радость. Я видела его за несколько часов до этой вести. Он был страшен – казался на краю самоубийства. Его (по-моему) спас Адмони, встретив его в электричке, когда этот безумец возвращался от меня. Мне он прочел „Гимн Народу“. Или я ничего не понимаю, или это гениально как стихи, а в смысле пути нравственного это то, о чем говорит Достоевский в „Мертвом доме“: ни тени озлобления или высокомерия, бояться которых велит Ф[едор] М[ихайлович]. На этом погиб мой сын. Он стал презирать и ненавидеть людей и сам перестал быть человеком. Да просветит его Господь! Бедный мой Левушка»¹⁵⁵. В этой записи, сделанной уже после испытаний, выпавших на долю Бродского в 1964–1965 годах, показательное сравнение Бродского с сыном, причем не в пользу

147 Чуковская. Т. 3. С. 208.

148 Волков 1998. С. 256.

149 Мандельштам Н. Я. Воспоминания. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1970. С. 205.

150 Ахматова 1996. С. 523.

151 Там же С. 588, 601, 637.

152 Там же. С. 724.

153 Там же. С. 679.

154 «Моби Дик» на русском языке впервые вышел в переводе И. Бернштейн (в нашей цитате исправлены допущенные переводчиком неточности) в 1961 г. Как мне рассказывал Г. И. Гинзбург-Восков, Бродский тогда же с большим энтузиазмом рекомендовал ему эту книгу. Реминисценции из «Моби Дика» есть в «Письме в бутылке» (ОВП), «Новом Жюль Берне» и «Ты, гитарообразная вещь со спутанной паутиной...» (У).

155 Ахматова 1996. С. 667. Об отношении Ахматовой к стихотворению «Гимн народу» см. Лосев 2002.

последнего. Ахматова высоко оценивает не только стихи как таковые, но и моральную чистоту, стойкость, сделавшие стихи возможными. Бродский, со своей стороны, считал, что лишь пытается по мере сил следовать примеру Ахматовой: «Сколько всего было в ее жизни, и тем не менее в ней никогда не было ненависти, она никого не упрекала, ни с кем не сводила счеты. Она просто могла многому научить. Смирению, например. Я думаю – может быть, это самообман, – но я думаю, что во многом именно ей я обязан лучшими своими человеческими качествами. Если бы не она, потребовалось бы больше времени для их развития, если бы они вообще появились»¹⁵⁶.

Урок Ахматовой, усвоенный Бродским, касался не только личной нравственности, но и нравственного аспекта поэзии как призвания. Будучи убежденным индивидуалистом, принципиально «частным» лицом, он понимал, что при серьезном отношении к своему призванию поэт не может не быть выразителем опыта народа, на языке которого пишет. Советская идеология требовала от писателей «народности», причем народность понималась как сочетание политкорректности с эстетическим примитивизмом. В результате у интеллигенции выработалась стойкая аллергия на саму проблему «поэта и народа», и салонные парадоксы предыдущего века на темы «чистого искусства» и «башни из слоновой кости» многими принимались всерьез. Ахматова не удостаивала агитпроп таким вниманием. Центральный мотив ее позднего творчества, в первую очередь «Requiem'a», – это мотив поэтического представительства: она осознает свою миссию – ее голосом «кричит стомиллионный народ». Именно это утверждает и Бродский в стихотворении «На столетие Анны Ахматовой» – ее голосом говорит родная земля, благодаря ей обретшая «речи дар в глухонемой вселенной».